

Евгений БАЧУРИН: Новые мальчики явятся с песнями мир раскалят добела



Сегодня, 25 мая, известному барду Евгению Бачурину исполняется 70 лет. Накануне этого юбилея мы встретились с ним в клубе «Гнездо глухаря», где проходил его концерт, на котором Бачурин исполнял свои лучшие и самые любимые песни – «Баллада о гордом рыцаре», «Дерева», «Камешком по бережку», «Мы живем в ожидании вишен». После концерта Евгений Владимирович принимал поздравления от друзей, в том числе и от нашей газеты и ее читателей. Здесь же и состоялся наш с ним разговор.

– Я знаю, что вы не только бард, но и художник, график. Как получилось, что музыка перевесила желание профессионально заниматься живописью?

– Я художник, но не совсем график. Графиком я был только первую половину своей жизни. После окончания полиграфического института я работал в журналах художником, сейчас бы это назвали словом «дизайн», и одновременно занимался живописью. А уже в восьмидесятых годах я полностью переключился на живопись. Собственно говоря, я пошел по стопам моих родителей, поскольку мать у меня была художницей, и отец тоже в свое время окончил художественное училище. А что касается песен, то я начал писать, потому что очень любил их музыку и поэзию. Получилось это совершенно слу-

чайно. Я появился во второй колонне, после Булата Окуджавы, Александра Галича, Владимира Высоцкого, Юрия Визбора – это была первая колонна, они начали на десять лет раньше, чем я. Несмотря на это у меня свой строй в поэзии, и, думаю, ни на кого не похожий. Мои песни, прежде всего, лирические, трагикомические. Я выстраивал свои гармонии, свои мелодии и поэтические тексты, совершенно не соразмеряя их ни с чьими вкусами. Нашлись слушатели, с которыми совпали наши чаяния, наши верования, наши надежды. Этим ремеслом я занимаюсь около тридцати пяти лет. За это время вышло пять виниловых пластинок, шесть компакт-дисков, среди них – «В ожидании вишен», «Годы застолья», «Женщина и человек», «Мешая истину и ложь», «Ястреб с высоты», кассеты,

плюс две книги – «Я ваша тень» и «Дерева вы мои, деревья...» Такой вот послужной список.

– При всей самостоятельности вашего творчества все-таки кто-то из бардов оказал на вас влияние?

– Влияние в какой-то степени оказал Булат Окуджава. Я с ним был знаком и общался какое-то время. Можно сказать, что он меня впервые толкнул на это поприще. В восемьдесят пятом году я вел концерт по желанию Окуджа-

вы в Доме художника и в конце спел песню, посвященную ему: «Скажи, скажи, мой брат, зачем сто лет подряд ты не приемлешь общего веселья». Было огромное количество людей, и я с нежностью и благодарностью вспоминаю тот концерт. Хотя ему очень нравилось то, что я делал, пути наши разошлись.

Если говорить о том, что на меня произвело какое-то впечатление в музыке, то это Мусорский, Чайковский. Я выращен на классике, блатных песен я не писал. В свое время царствовала блатная песня, как сейчас попса. У меня совершенно все другое, и поэтому мне было трудно с моим слушателем. Вначале это был очень небольшой круг, но постепенно он расширился. Такая же ситуация была и в поэзии...

– Принимали ли вы участие в различных фестивалях авторской песни?

– Я нигде никаких участия давно не принимаю. Когда-то участвовал в огромных сборищах под Москвой. Я вообще не любящий ездить, не любящий большой компании людей. Я шел всегда своим путем. Но у меня всегда была мечта, что будет небольшая группа людей, профессиональных музыкантов, которые будут работать со мной. И сейчас такая группа есть в лице Анны Ветлугиной, прекрасного аранжировщика, Петра Лелюка, он помогает мне своим голосом, чарующую публику, и Павла Фельченко, нашей скрипки.

– Обычно барды не любят поп-музыку. А телевидение не очень жалуется авторскую пес-

ню. Какое у вас отношение к проекту «Фабрика звезд», где за три месяца мелькания на ТВ из людей делают знаменитых певцов?

– У меня слово «фабрика» ассоциируется с совершенно другими вещами. Например, фабрика по изготовлению спиртного, я понимаю, что такое, фабрика по производству мебели... Что такое «Фабрика звезд», – я просто не понимаю. Это у меня вызывает не только смех, но достаточно злую иронию. Мне это глубоко неприятно. Просто неприятно слышать, а уж видеть – тем более.

– Только ли телевидение виновато в том, что на эстраде много пошлости, нет искренности, настоящей поэзии в песнях?

– Знаете, что я скажу вам на этот счет?! «Какое поп, таков и приход» – есть такая поговорка. В поговорке один поп, а здесь другой – поп-музыка. Люди не хотят задумываться, публика хочет развлекаться. Во время моей молодости была популярна оперетта. Мы, молодые, все страшно смеялись, когда слушали опереточные песенки. Но в оперетте музыка была приличная. Нам особенно было смешно, когда все скакали по сцене. В оперетту ходила определенная публика – среднего достатка и запросов. Есть публика, которая обожает попсу, как во всем мире, так и в России. «Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно», – сказал великий поэт, и я с ним согласен.

– Каким вы видите будущее бардовской песни в России?

– Если у нашего народа есть будущее, каким бы оно ни было, то и песня, которую мы называем бардовской, настоящая, искренняя, не может умереть. Конечно же, у нее обязательно будет продолжение пути. Вопрос только в том, куда будет направлен этот путь. Мне судить об этом трудно. Войны, праздники и катастрофы, которые всегда будут сотрясать Землю, – вот темы тех бардов, которые придут на смену бардов шестидесятых, семидесятых годов. Я далеко не оптимист, но невозможно жить без надежды на будущее. И поэтому завершу наш разговор вполне оптимистичными строками моей песни: «Происки зла или беды с болезнями вышибут нас из седла! Новые мальчики явятся с песнями мир раскалят добела».



Евгений Бачурин. Разрушенная беседка. 1989 г.

Беседовала
Светлана БЕРНАЛЬДО

Вер. Николаев - 2004-25 мая - с. 6